

ПУБЛИКАЦИИ

ПАЛЛАД АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

ЭПИГРАММЫ *

С именем Паллада (ок. 360 — между 430 и 440 гг.), последнего «языческого» поэта-эпиграмматиста, связан поздний расцвет греческой эпиграммы. Паллад был школьным учителем грамматики, прожил полную лишений жизнь и лишь на склоне лет, возможно, был принят на государственную службу. «Может быть,— говорит И. Ирмшер¹,— он, подобно великому насмешнику Лукиану, закончил свою жизнь мелким чиновником».

Паллад жил в трагическое для греческой культуры время. После жестокого кризиса III века, охватившего все стороны жизни рабовладельческого общества, его закат приближался неотвратимо. Римская империя к концу IV в. окончательно распалась на две части — Восточную и Западную. Кризис, особенно на Западе, все более углублялся. Между гнущим язычеством и христианством, особенно на Востоке, шла ожесточенная борьба. Реформаторская деятельность императора Юлиана (361—363 гг.), имевшая целью возродить язычество, влить в него новые силы, потерпела поражение вместе с гибелью своего вождя. Последовал ряд декретов христианских императоров, завершившийся миланским эдиктом Феодосия I (391 г.): жестоко карались все, кто совершал жертвоприношения языческим (эллиническим) божествам, повсеместно разрушались храмы и статуи древних богов; религиозное изуверство христиан уничтожало неповторимые памятники античной архитектуры и искусства.

В 415 г. толпа фанатиков-христиан, подстрекаемая епископом Александрии Кириллом, растерзала в церкви Ипатию, последовательницу неоплатонической философии, к кружку которой принадлежали Паллад, Синесий из Кирены и другие талантливые приверженцы гнущей эллинической культуры. Закатилась еще одна «ума и знания блестящая звезда»².

Сторонник уходящего эллинизма, противник христианства, Паллад понимал обреченность своих идеалов. Глубокую печаль поэта вызывает этот закат эллинизма. Богиня Тихе (Судьба), прежде приносившая счастье людям, теперь сама стала несчастной, а ее храм превращен в харчевню³ (эпиграмма 33; AP IX, 183).

По своим философским взглядам Паллад — эклектик, но мотивы эпикуреизма, этой «истинной философии Римской империи», у него все же преобладают. Пусть враждебна Судьба, поэт порою зовет к тому, чтобы (если только возможно) «жребию наперекор радость в душе ощутить»⁴.

В Палатинской антологии Палладу принадлежит 151 эпиграмма, и около 20 эпиграмм приписываются ему предположительно⁵. Это богатое наследие следующим образом распределяется по книгам антологии⁶. В книге V (любовные эпиграммы) — всего одна эпиграмма Паллада; в книге VI (посвятительные эпиграммы) — 3; в книге

* Вступление, перевод и комментарии Ю. Ф. Шульца. Эпиграммы № 80 и 127 переведены Ф. А. Петровским.

¹ И. Ирмшер. Паллад. Перевод с немецкого И. Черновой. ВВ, XI, 1956, стр. 247—270.

² Паллад. «Ипатия» (эп. 41, AP, IX, 400).

³ Паллад. Эп. 78. (AP, X, 77).

⁴ Паллад. Эп. 33. (AP, IX, 183)

⁵ Основные издания греческой антологии, куда вошли эпиграммы Паллада: 1) Epigrammatum anthologia Palatina ed. Fr. Dubner, vol. I—II. Parisiis, Firmin — Didot, 1864—1888 (далее — Д ю б н е р); 2) Anthologia Graeca. V. I—XVI. Griechisch-Deutsch ed. Hermann Beckby, Bd. I—IV. München, 1957—1958 (далее — Б е к б и).

⁶ Следует сказать, что это деление в известной мере условно.

VII (эпитафии) — 10; в книге IX (описательные эпиграммы) — 38; в книге X (увещательные эпиграммы) — 48; в книге XI (сатирические эпиграммы) — 47. XV книга, где помещены эпиграммы «смешанного» содержания, содержит всего одну эпиграмму Паллада. Наконец, в XVI книге, представляющей собой антологию Плануда⁷, византийского филолога-монаха (1260—1310 гг.), — 3 эпиграммы Паллада.

Эпиграммы, приписываемые Палладу, распределяются по V—XI книгам антологии, но более всего их в XI книге (9 эпиграмм).

Творчество Паллада многообразно. Поэт высмеивает монашество, порицает богатство и богачей, прославляет умеренность и скромность в жизни, сетует на бедственное положение грамматика. Во многих эпиграммах он обрушивается на своих идейных противников — Гессия и Фемистия. Несчастный в семейной жизни (имя его жены — Андромаха — означает буквально «воющая с мужем»), Паллад нередко нападает на женщин в едких строках. Однако Паллад — преимущественно эпиграмматист-сатирик, блестящий мастер именно этого рода эпиграмм. В целом его стихотворения «отличаются высокими поэтическими достоинствами. Стихи его чрезвычайно изящны и правильны; содержание их проникнуто тонким и грустным юмором, полным глубокого смысла»⁸. Необычайно трогательна эпиграмма, посвященная Ипатии. Несколько других эпиграмм ученые также считают посвященными этой замечательной женщине.

Современники дали Палладу прозвище «Метеор» («высокий», «возвышенный»); этим они вынесли высокую оценку эпиграммам выдающегося поэта.

Оценивая роль Паллада в истории греческой эпиграммы, можно согласиться с мнением И. Ирмшера, что Паллад «заново открыл для своей эпохи эпиграмму (эпиграмматическое наследие II—III вв. н. э. сравнительно невелико. — Ю. III.) и подготовил расцвет этого жанра в период Юстиниана»⁹. Этот последний расцвет (уже всецело на византийской почве) предстален творчеством Македония, Юлиана Египетского и главным образом Павла Силенциария и Агафия из Мирины, известного историка царствования Юстиниана.

Уже упоминавшаяся обширная статья И. Иршера убедительно показала, что исследование творчества Паллада «должно быть включено в программу, цель которой «изучение жизни позднеантичного Египта», а также «византийского города, византийской литературы и культуры»¹⁰.

Ниже приводится первый русский перевод всех эпиграмм Паллада, включающий также эпиграммы, приписываемые ему предположительно. Полный «корпус» эпиграмм сопровождается историко-литературными и реальными примечаниями. В ряде случаев мы отсылаем читателя к развернутому толкованию отдельных стихотворений Паллада, которое дает И. Иршер в своей статье.

Перевод осуществлен по изданию Ф. Дюбнера, а также по новейшему изданию Греческой антологии Германа Бекби, упомянутом выше. В примечаниях использован критический аппарат обоих названных изданий антологии.

I. Эпиграммы Паллада

1

(AP, V, 257)

Я убедился, что Зевс не такой уж и влюбчивый, если
 Ради такой красоты он превращается не стал.
 Право, не хуже Европы она и не хуже Данаи,
 В нежности Леде самой не уступает она.
 Может быть, Зевсу противны блудницы? Пожалуй. Я знаю:
 Царственных девушек он только и рад соблазнять.

2

(AP, VI, 60)

Вместо быка и взамен золотого подарка Исиде
 Ей, умастив, принесла кудри Памфила свои.
 Радость богине от них, и не меньшая, чем Аполлону,
 Радость была от даров, присланных Крезом ему.

⁷ Сборник, состоящий из семи книг, — сокращение антологии Кефалы (так называемой Палатинской антологии) с добавлением некоторых отсутствующих в ней эпиграмм.

⁸ Ф. А. Петровский. Вступительная статья к сборнику «Греческая эпиграмма». М., 1960, стр. 17.

⁹ И. Иршер. Указ. соч., стр. 270.

¹⁰ Там же

3

(AP, VI, 61)

Дивное лезвие, ты преисполнено счастья: Памфила,
Волосы срезав тобой, их посвятила богам.
И не людьми изготовлено ты, но у печи Гефеста.
Молот подняв золотой, голову вокруг обвязав
Ярко блестящей повязкой, — скажу я словами Гомера, —
Сделала Прелесть сама ловкой рукою тебя.

4

(AP, VI, 85)

Панц, и понож, и копьё, и шлем, и щит свой огромный
Гордиоприляриос здесь посвятил Тимофей.

5

(AP, VII, 607)

Как-то старушка Блоха, питая к наследникам зависть,
Все, что имела, взяла в виде наследства... себе.
И во мгновение ока прыжком устремилась к Аиду,
Чтобы и траты и жизнь мерой измерить одной.
Все достоянье проев, напоследок и жизнь загубила:
Лишь растранижив добро, прыгнула прямо в Аид.

6

(AP, VII, 610)

Некто похитил жену, но и счастье брака похитил
Демон какой-то, сгубив многих на свадьбе самой.
Брак этот, хоть и один, двадцать пять породил погребений,
Этот единственный брак в смерть обратился для всех.
Пенфесиля — невеста, жених, ты — Пенфей многослезный,
Брак ваш злосчастный богат гибелью многих людей.

7

(AP, VII, 681)

Ты не за честью себе, а за смертью своею уехал;
И, хоть и хром, побежал прямо к Аиду в чертог,
Гессий, и Мойр обогнавший. Лелея заветную думу,
Мнил ты пойти далеко, но отошел навсегда.

8

(AP, VII, 682)

Гессий не умер, повержен богинею Мойрой, — напротив,
Сам он своею рукою Мойру низринул в Аид.

9

(AP, VII, 683)

«Лишку ни в чем», — говорил из семи мудрецов наилучший.
Ты же, о Гессий, презреть эти решился слова.
Хоть и ученый, как неуч подвергся за то порицанью,
Ибо возжаждал, увы, в небо подняться к богам.

Беллерофонта Пегас ведь сбросил когда-то на землю:
 Дерзкий стремился познать звездные в небе пути.
 Тот хоть конем обладал и негнущейся юною силой,
 Гессий же справить нужду не расхрабрится никак.

10

(AP, VII, 684)

Пусть же никто из людей не дерзает равняться с богами,
 Тщетно не зарится пусть он на великую власть.
 Гессий нам служит уроком: высоко вознесшийся, был он
 Вскоре низвергнут: не смог счастье бегущее взять.

11

(AP, VII, 685)

В поисках гибель свою ты обрел и крушение счастья,
 К власти стремился, достичь цели желая своей.
 Да, удостоился чести ты, Гессий; лишь после кончины
 Почеть последнюю ты, символы власти, обрел.

12

(AP, VII, 686)

Бавкал увидел в Аиде умершего Гессия; тот же
 Был еще более хром. Бавкал спросил у него:
 «Как это, Гессий, скажи, ты приходишь в жилище Аида
 Без погребенья и гол, странный какой-то мертвец?»
 Тотчас ответил ему с печалью великою Гессий:
 «Знай, честолюбье всегда смерть за собою ведет».

13

(AP, VII, 687)

Культа Аммонова ложь едва лишь Гессий изведal,
 Тотчас изгнанником он смерть увидал пред собой.
 Проклял он замысел свой и науку, и верящих проклял
 В то, будто логика есть в том, что астролог изрек.

14

(AP, VII, 688)

Гессия двое Калхантов сгубили своей ворожбою:
 Кресло ипатов ему наобещали они.
 О человеческий род, и пустой, и собой раздраженный,
 В вечном неведении ты вплоть до последнего дня.

15

(AP, IX, 5)

Груша, ты сладостный труд рук прилежных моих, ибо летом,
 Нежную взрезав кору, я привил тебе новую ветку, —
 И прижилась она, став выше всех, и плоды заменила:
 Снизу все те же дички, а вверху ароматные груши.

16

(AP, IX, 6)

Дикою грушей была я. Ты сделал меня ароматной,
 Ветку привив, и тебе я возвращаю твой дар.

17

(AP, IX, 119)

Если властитель желает льстецов со вниманием слушать,
 Многих погубят тогда гнусные их языки.
 Вот почему человек справедливый поистине должен
 Всех ненавидеть льстецов, как и внимающих им.

18

(AP, IX, 165)

Женщина — гнев божества, воздаянье злосчастное людям;
 За похищенье огня мы получили ее.
 Мужа сжигает заботой и горем его иссушает,
 Юности тотчас она скорую старость несет.
 Даже и Зевс не живет без тревог с златотронною Герой:
 Он с олимпийских высот часто ее низвергал;
 Под облаками висела, качаясь: известен Гомеру
 Был на супругу свою Зевса великого гнев.
 Так, никогда и не может жена не ссориться с мужем,
 Пусть хоть в чертоге златом с ним сочеталась она.

19

(AP, IX, 166)

Мудрый Гомер говорил, что любая из женщин негодна:
 Пусть целомудренна, пусть шлюха, — но пагубны все.
 Ведь из-за блуда Елены возникло мужей истребленье,
 А Пенелопы была верность причиной убийств.
 Да, из-за женщины лишь появилась на свет «Илиада»,
 И «Одиссеи» виной лишь Пенелопа была.

20

(AP, IX, 167)

Жен, этот новый огонь, за огонь мы имеем от Зевса.
 Если б ни женщин совсем нам не знаять, ни огня!
 Пламя не вечно и гаснет, а женщина — вечное пламя,
 Ибо не гаснет, но жжет, воспламеняясь сильней.

21

(AP, IX, 168)

«Гибельный гнев» я привел к себе в дом, — бедняга, женился.
 И ремесло у меня с «гнева» начало берет.
 Горе! Я гневом задавлен: двойное засилие гнева!
 Гнев ремесла и еще бабы воинственной гнев.

22

(AP, IX, 169)

И для меня, кто учил грамматике, «гнев Ахиллеса»
 Также причиною был «гибельной» бедности. Пусть
 Он бы с данайцами вместе меня погубил, ополчившись,
 Нежели голод убьет, спутник науки моей.
 Чтоб Агамемнон когда-то похитить сумел Брисейду,
 Как и Елену — Парис, должен я жить в нищете.

23

(AP, IX, 170)

Брюхо бесстыдное я пристыдил суровою речью.
 Мнил воздержаньем унять чрево в нелегкой борьбе;

Если ж моя голова поставлена выше желудка,
Разве не справиться ей с тем, что пониже ее?

24

(АР, IX, 171)

Вас, многослезные книги, орудия Муз, продаю я;
Ваше искусство хочу я на другое сменить.
Вы, Пнириды, прощайте! Прощай же и слов изощренность:
Ибо того и гляди синтаксис сгубит меня.

25

(АР, IX, 172)

Счастье, прощай! И Надежда, ты больше меня не тревожишь;
Хватит и лжи, наконец: я уже в гавань вошел.
Пусть я бедняк, но свобода со мной неразлучна, и в жизни
Прочь я богатство гоню, нагло теснящее нас.

26

(АР, IX, 173)

Пять начинают грамматику строк — сплошное проклятье:
В первой содержится «гнев», «гнев тот ужасный» в другой;
После «ужасного» вновь для данайцев «тысячи бедствий».
Третья низводит строка «многие души в Аид».
Речь о «корысти» в четвертой идет и о «псах плотоядных»,
В пятой строке, наконец, — «птицы» и «яростный Зевс».
Разве найдется грамматик, чтоб после пятерки проклятий,
После пяти падежей не был подавлен вконец!

27

(АР, IX, 174)

Здесь обучают все те, на кого разгневан Серапис,
Кто начинает с азов «гибельный гнев» толковать.
Месяц прошел, — ученик приходит с условленной платой,
Спрятав в папирусный лист жалкую бедность свою.
И, словно жертву, слагает пред кафедрой, как на могилу,
Руку вперед протянув, маленький сверточек свой.
Но ведь бывает: иной похищает и малую плату,
С медью мешает свинец, долг отрицает совсем.
Если же кто-либо за год отдать обещал золотыми,
В месяц последний уйдя, сменил учителя он,
Нагло его обманув и нарушив договор прежний;
А у грамматика труд прахом идет годовой.

28

(АР, IX, 175)

Я продаю Каллимаха и Пиндара также и с ними
Все падежи продаю, в бедность злосчастную впав.
«Синтаксис», мой благодетель, расторгнут вконец Дорофеем,
Ибо с бесчестною он вестью явился ко мне.
Ты же, мой милый Феон, соверши благое деянье,
Чтобы не кончить мне жизнь в тяжких цепях нищеты.

29

(АР, IX, 176)

Ты пригласил меня, ритор. Хотя опоздал я к обеду,
Честь я с собою унес, сделавшись другом твоим,
Большим, чем был: не в еде для души наслажденье — в почете;
Если окажешь ей честь, этим она и сыта.

30

(АР, IX, 180)

Судьба людей дурачит до конца их дней,
 Ее непостоянен и коварен нрав.
 Смятение сеет, мелет и разносит вздор;
 Она торговка ныне, не богиня, нет,
 И с ремеслом подобным сходен нрав ее.

31

(АР, IX, 181)

Как погляжу, на свете извратилось все,
 Несчастливым стало Счастье на глазах у нас.

32

(АР, IX, 182)

Как, и Судьба — госпожа испытала несчастное счастье?
 Счастье дающая, как стала несчастною ты?
 Ныне и ты научайся терпеть нашествие бедствий,
 Беды познаешь сама, что посылаешь другим.

33

(АР, IX, 183)

Счастье, и ты изменилось и только насмешки достойно.
 Нечего больше тебе счастья остатков жалеть;
 Прежде имевшая храм, оказалась под старость в харчевне,
 Поишь горячим питьем смерти подвластных людей.
 Демон капризный, теперь зарыдай над своей же бедою:
 Как и у смертных людей, кончилось счастье твое.

34

(АР, IX, 377)

Тантал не ел ничего. Ведь плоды на трепещущих ветках
 Вверх убегали тотчас, выше его головы.
 Пищи лишенный, не мог он и жажду испытывать, если б
 Даже и смоквы плодов спелых и сочных поел,
 И чернослива лесного, и яблок — бесплотные тени
 Могут ли там от плодов жажду земную терпеть?
 Мы же едим, если нас пригласят, лишь пряную пищу:
 Перепелов и сыры, жирных соленых гусей,
 Дичь и телятину, все запивая одним лишь бокалом.
 Значит, страдаем мы все, Тантал, не меньше тебя.

35

(АР, IX, 378)

Как-то убийце, что спал, говорят, у стены обветшалой,
 Ночью Серапис предстал и прорицанье изрек:
 «Ты, почивающий здесь, поднимайся немедленно, другое
 Выбери место себе, о злополучный, для сна».
 Тот пробудился и только успел от стены удалиться, —
 Ветхая, тотчас она рухнула наземь за ним.
 Жертвы наутро богам спасенный злодей совершает,
 Думая, что божество даже убийц бережет.
 Ночь наступила опять, и опять явился Серапис:
 «Думаешь ты, — он сказал, — я негодяев храню?
 Не дал теперь я тебе умереть, не изведав мучений,
 Лишь потому, что тебя я берегу для креста».

36

(АР, IX, 379)

Есть поговорка: «И свиньи кусают бесчестного». Я же
 Думаю, что не совсем правильны эти слова.
 Даже и свиньи кусают достойных и скромных, а злого
 Грозный не тронет дракон, в страхе его стороясь.

37

(АР, IX, 393)

На правителей Египта

Нет, безупречных и кротких правителей не было вовсе.
 Качества эти и власть несовместимы, увы;
 Полон сочувствия вор, а наглец — воплощенная честность:
 Два эти свойства свои власть вымещает на нас.

38

(АР, IX, 394)

Золото, лести отец, порожденье тревоги и горя,
 Страшно тебя не иметь; горе — тобой обладать.

39

(АР, IX, 395)

«Нет, — говорил Одиссей, — ничего драгоценней отчизны»,
 Ибо на острове он Кирки не ел пирога.
 Стоило б только хоть пар от него исходящий увидеть,
 Даже и десять тогда он бы забыл Пенелоп.

40

(АР, IX, 397)

Некогда с поля сраженья спартавец бежал, и предстала
 Мать перед ним, и к груди сына приставила меч:
 «Будешь, — сказала, — живой ты для матери вечным позором,
 Спарты могучей презрев древний, священный закон.
 Если же будешь сражен материнской рукою, — несчастной
 Матерью стану, чиста перед отчизной своей».

41

(АР, IX, 400)

Ипатия

Смотрю и внемлю я, склоняясь пред тобой;
 И в звездный Девы храм я возношусь тогда:
 Ведь, словно небеса, чисты дела твои,
 Ипатия, а ты изысканности слов,
 Ума и знания блестящая звезда.

42

(АР, IX, 401)

Дружбы законы Природа в любви своей к людям открыла,
 Средства общенья найдя с теми, кто в дальнем пути.
 Это — перо и бумага, чернила и букв начертанье,
 Символы чьей-то души, что истомилась вдали.

43

(АР, IX, 441)

Медного Зевсова сына я видел в пыли перекрестка;
 Прежде молились ему — ныне повергли во прах.
 И потрясенный сказал: «О Трехлунный, от зол охранитель,
 Непобедимый досель, кем ты повержен, скажи?»
 Ночью, представ предо мною, промолвил мне бог, улыбаясь:
 «Бог я, — и все же познал времени власть над собой».

44

(АР, IX, 484)

Некогда с ветрами мех Одиссей получил как подарок,
 В море плывя, и ему был этот дар дорогим.
 Мой же, вот этот Эол, обладающий ветреным сердцем,
 Птицу мне вздумал послать, ветром наполнив ее.
 Ты дуновенье крылатое плешь, ну да — дуновенье,
 Но не могу я, поверь, ветры сгущенные есть.

45

(АР, IX, 486)

Ты колбасу, что ты сам, завязав ее крепко, прислал мне,
 Раб развязал, — и нашел воздухом иолный пузырь.

46

(АР, IX, 487)

Ты мне свинью подложил, что откормлена фигами Кипра,
 Мясо сухое ее вызвало жажду во мне.
 Фигой хотел накормить... Заколи меня лучше, как жертву,
 Или же в горле пожар кипреким вином погаси.

47

(АР, IX, 489)

Чадо грамматика дочь породила в любви сочетавшись,
 Роды в котором мужской, женский и средний слились.

48

(АР, IX, 502)

Жажду Кондита! Но где получил он имя кондита?
 Произношеньем оно эллинским чуждо устам.
 Если ж из римских корней вытекает оно, то, уверен,
 Ты, наиримский из всех, истинный знаешь ответ.
 Дай мне его поскорей! Ведь желудок, страдающий тяжко,
 Требуется, как говорят, жаждет такого питья.

49

(АР, IX, 503)

Не без причин я сказал, что в юбе какая-то сила
 От божества. Ведь вчера сам я ее применил:
 Четырехдневной страдал лихорадкой больной, но тотчас же
 Снова здоровым он стал, словно целебный Кротон.

50

(АР, IX, 508)

Коль кто-нибудь желает светлым видеть день,
 С тобою встретясь, светлый день узнает он.

Но если он захочет в горе быть, тогда,
С тобой не встретясь, черный он узнает день.

51

(AP, IX, 528)

На дом Марины

Боги Олимпа теперь христианами стали и в доме
Этом беспечно живут, ибо пламя им здесь не опасно,
Пламя, кормящее тигель, где плавится медь на монету.

52

(AP, IX, 773)

Медник, расплавив Эрота, его перелил в сковородку;
И не случайно: она тоже умеет сжигать.

53

(AP, X, 34)

Если забота важна, то о ней прояви беспокойство;
Если ж заботится бог, что же заботишься ты?
Без божества никакой беззаботности нет и заботы:
Ибо забота его — знать все заботы твои.

54

(AP, X, 44)

Друг захотел поживиться и пишет: «О брат — благодетель!»
Если же нечего взять, пишет он коротко: «Брат!»
Даже такие продажны слова! Никогда не услышать
Мне «благодетель», ведь я дать ничего не могу.

55

(AP, X, 45)

Если представишь себе, человек, что делал родитель,
Свой совершая посев, спесь твоя сгинет тотчас.
Грезящий вечно Платон преисполнил тебя самомнением,
Ибо бессмертным тебя, отпрыском неба назвал.
Ты же из глины. И так возомнил! Мог придумать такое
Тот, кто в напыщенный вздор речи свои обрядил.
Если же хочешь найти ты слова справедливые, знай же:
Каплей нечистою ты, похотью грубой рожден.

56

(AP, X, 46)

Право, умение молчать у людей — величайшая мудрость.
Мог бы и сам Пифагор эти слова подтвердить.
Зная искусство речей, других обучал он молчанью,
Верное средство найдя против волнений людских.

57

(AP, X, 47)

Пей молчаливо и ешь. Ведь в страданиях не следует чревом
О мертвеце горевать, — так и Гомер говорил.
Даже Ниобу, двенадцать детей потерявшую сразу,
Мысль о еде отвлекла от размышлений о них.

58

(АР, X, 48)

«Пусть никогда госпожою не станет служанка», — такая
 Есть поговорка. И я тоже на это скажу:
 «Кто побывал в адвокатах, вовек да не будет судьей,
 Пусть красноречьем его сам Исократ превзойден.
 Ибо привыкший за деньги служить наподобие шлюхи,
 Разве сумеет в суде честно дела разбирать?»

59

(АР, X, 49)

И муравей, и комар, говорят, преисполнены гнева;
 Так и ничтожная тварь гнев заключает в себе.
 Ты же велишь, чтобы я, беззащитный, не думал о гневе,
 Чтобы и словом одним я не дерзнул уязвить
 Тех, кто делами язвят!? После этого мне остается,
 Рот свой заткнув, замолчать и не дышать, наконец.

60

(АР, X, 50)

Я отрицаю, что Кирка, как сказано было Гомером,
 Делала либо свиней, либо волков из людей,
 К ней приходивших; но эта, на хитрости ловкая шлюха,
 Всех обирала, кого ей удалось соблазнить.
 И человеческий разум отняв, их, поддавшихся чарам,
 После — уже не людей — в доме держала своим,
 Где и кормила, подобно лишенной рассудка скотине.
 Но, умудрен, Одиссей голову не потерял.
 Не по внушенью Гермеса, на собственный разум надеясь,
 В нем он лекарство нашел против ее колдовства.

61

(АР, X, 51)

Лучше завидуют пусть, чем жалеют, — вот Пиндара слово.
 Люди завидуют тем, кто беспечально живет;
 Тех же, кто в жизни несчастен, жалеют. Но я не желаю
 Лишнего счастья себе, как и участь людей.
 Лучше всего — середина: высоко подняться — опасно;
 Если же ниже других ты опустился — позор.

62

(АР, X, 52)

Славно, отлично, Менаандр, ты сказал, что божественен Случай;
 Здесь как воспитанник Муз ты говорил и Харит:
 Часто гораздо ценнее влачащихся долго раздумий
 То, что случайно и вдруг кстати открылось тебе.

63

(АР, X, 53)

Если мы видим, как сладко живется убийцам на свете,
 Надо ль дивиться тому? Этим нас Зевс наградил.
 Ибо и он, ненавистник, убил бы родителя злобно,
 Если бы Кронос-отец мог, как и мы, умереть.
 Но не убив, он карает отца с титанами вместе,
 Словно злодея, связав, в пропасть бросает его.

64

(АР, X, 54)

Смерть не одна лишь чахотка приносит с собою; нередко
Тучность без меры таит тоже кончину в себе.
Служит примером тому Дионисий, тиран Гераклеи,
Той, что на Понте: ему выпал подобный удел.

65

(АР, X, 55)

Если ты всюду хвастливо кричишь, что жене не подвластен,
Вздор ты болтаешь; ведь ты, как говорится, не «ветвь
Крепкого дуба, не камень утеса». Тебе, как и многим,
Если не всем, суждено быть под началом жены.
«Если сандалий, — ты говоришь, — не дерется супруга,
Коль не распутна она, — надо молчать и терпеть».
Я же скажу, что твоя только более легкая участь:
Продали в рабство тебя честной жене и не злой.

66

(АР, X, 56)

Признака ясного нет распознать добродетельность женщин:
Жертвам насмешек, мужьям, эти слова говорю.
И безобразная вовсе не может унять подозрений,
Может распутной не быть та, что красива на вид.
Есть и такая, — красива, и все же она не уступит
Щедрым подаркам; но есть множество женщин таких,
И не красивых собой, но погрязших в безудержном блюде,
Падких безмерно на тех, кто не жалеет даров.
Но неужели, скажи, если женщина гневные брови
Хмурит сурово, совсем видеть не хочет мужчин, —
То не порука тому, что она добродетельна? Впрочем,
Шлюхи бывают: на вид — это серьезность сама.
Но и веселые есть, и любезные есть в обращенье
Скромницы, коль вообще скромные женщины есть.
Верно по возрасту судят об этом? Но вот Афродита,
Старость и та не дает ей от страстей отдохнуть.
Клятвами нас, наконец, убеждают; но чтоб им поверить,
Надо двенадцать богов новых найти и других.

67

(АР, X, 57)

Пусть проклянет божество и желудок и пищу желудка!
Это по их лишь вине гибнет умеренность в нас.

68

(АР, X, 58)

Наг я на землю ступил и нагим же сойду я под землю:
Что ж я напрасно тружусь ради кончины нагой?

69

(АР, X, 59)

Кто ожидает кончины, скорбит и терзается тяжко;
С жизнью простившийся чужд этой язвящей тоске.
Так, не рыдай же над тем, кто навеки прощается с жизнью:
После кончины своей он перестанет страдать.

70

(АР, X, 60)

Пусть ты богат. Ну так что же? Коль час твой последний настанет,
Разве сумеешь с собой деньги в Аид унести?
Тратишь ты дни, не жалея, на то, чтоб умножить богатства;
Как ни старайся, но дней ты не прибавишь себе.

71

(АР, X, 61)

Прочь от богатых, бесстыдных, домашних тиранов бегите:
Бедность — стыдливости мать — не переносят они.

72

(АР, X, 62)

Не рассуждает Судьба и знать не желает законов;
Не размышляя, она — деспот — царит над людьми.
Честных людей ненавидит, но любит зато нечестивых,
Этим являя свою, смысла лишённую власть.

73

(АР, X, 63)

Бедный не жил никогда и поэтому смерти не встретит:
Жил он, казалось, но был трупом при жизни живым.
Лишь для счастливых людей и стяжавших богатства без меры,
Только для них, говорю, смерть — это жизни конец.

74

(АР, X, 65)

Страшное плаванье жизнь; налетают жестокие бури;
Хуже, чем в море, тогда терпим крушение мы.
Если же кормчий Судьба нас по жизни ведёт наудачу,
Словно по волнам плывем, не различая пути,
С ветром попутным одни, а другие с противным, — и все же
Все направляемся мы в гавань одну под землей.

75

(АР, X, 72)

Жизнь — это сцена и смех: так учишься беззаботно смеяться,
Тяготы сбросив ее, — или страданья влечи.

76

(АР, X, 73)

Если влечешься, Судьбою влеком, так влекись, не противясь;
Как ты ни бейся, — и все ж будешь Судьбою влеком.

77

(АР, X, 75)

Все мы, живущие в мире, вдыхаем колеблемый воздух,
Тянем ноздрями его, смотрим на солнечный блеск.
Все мы при жизни своей лишь орудья, что служат тому лишь,
Чтобы дыханьем своим жизнь продолжать на земле.
Если же кто-либо это дыханье рукою закроет,

Жизнь погубивши, в Аид сам он себя низведет.
Значит, мы, люди, — ничто; а еще преисполнены спеси
Мы, кто и живы-то все малостью воздуха в нас.

78

(АР, X, 77)

О человек, не напрасно ль в стараниях ты и волнениях,
Если с рожденья Судьбой рабство тебе суждено?
Лучше оставить все это и вовсе с Судьбой не бороться;
Долей довольный своей, в жизни покой возлюби.
Лучше, однако, всего, если только возможно, стремиться,
Жребию наперекор, радость в душе ощутить.

79

(АР, X, 78)

Брось же грустить и рыдать. Коль сравнить бесконечность могилы
С временем жизни твоей, разница будет большой.
А потому до кончины, пока ты не съеден червями,
Душу не мучай свою, словно уже обречен.

80

(АР, X, 79)

Ночи проходят, и мы ежедневно рождаемся снова:
Прошлые дни никакой прибыли нам не дают.
День, миновавший вчера, для нас пропадает бесследно,
И начинаем опять жизнь мы сегодняшним днем.
Не называй же, старик, никогда ты себя многолетним:
Нет на сегодня того, что миновало вчера.

81

(АР, X, 80)

Жизнь человека — игрушка Судьбы — горька и несчастна;
Между богатством она и нищетою бредет.
Этих, принизив сначала, возносит Судьба, а другие
Вниз с высоты облаков сводятся ею в Аид.

82

(АР, X, 81)

О радость жизни нашей, как мгновенна ты!
Оплачьте невозвратный, быстрый лёт годов.
Сидим мы и порою предаемся сну,
В работе иль в безделье, — а года бегут,
Бегут и нам, несчастным, на земле несут
Любому катастрофу и последний час.

83

(АР, X, 82)

Не кажется ли нам, что мы еще живем,
Мы, эллины, упав под тяжестью невзгод
И жизни видимость считая бытием?
Иль мы еще живем, а жизнь уже мертва?

84

(АР, X, 83)

В поясе шитом богач и лъстецы бесконечной толпою...
Но поразмыслить ему — тягость, несчастье и казнь.

85

(АР, X, 84)

Слезы рождение мое и кончину мою омывали;
 Множество слез на земле видел я в жизни своей.
 О человеческий род, многослезный, ничтожный и бранный,
 Ты появился на свет, чтобы рассыпаться в прах.

86

(АР, X, 85)

Всех нас готовят для смерти и кормят для смерти, как будто
 Мы — это стадо свиней, годное лишь на убой.

87

(АР, X, 86)

Пускай не щедро я, но все-таки кормлю
 Детей, жену, раба и птиц, и даже пса:
 Ведь алчным нет льстецам дороги в дом ко мне.

88

(АР, X, 87)

Когда над жизнью беглой не умножим смех
 И над Судьбою-шлюхой, что терзает нас, —
 Себе же уготовим без исхода боль,
 Везде злодеев видя, что счастливей нас.

89

(АР, X, 88)

Тело — мученье души, ее Мойра, Аид, Неизбежность,
 Время, оковы ее и средоточие мук.
 Если ж из тела она изойдет, значит, сбросив оковы
 Смерти, умчится она к богу бессмертному ввысь.

90

(АР, X, 89)

Если Молва — божество, то враждебна она и речами
 Лживыми эллинов нас рада всегда обмануть.
 Если ж в беде ты, тотчас же Молва соответствует правде:
 Так и Молву упредить может стремительность бед.

91

(АР, X, 90)

О зависть худшая, коль ненависть язвит
 Счастливейших людей, любимцев божества!
 Так мы, безумные от зависти своей,
 Рабами глупости становимся тотчас.
 Мы, эллины, — лишь прах ушедшего навек,
 Надежды мертвые у нас — на мертвецов:
 Настолько в жизни все извращено теперь.

92

(АР, X, 91)

Когда любимца бога кто-то злом язвит,
 Он предстает пред всеми как большой глупец:

Ведь на себя же бога ополчает он,
В нем возбудивши зависть и великий гнев:
Людей, любимых богом, мы должны любить.

93

(АР, X, 92)

Когда ты суд вершишь, прекрасно говоря,
Мой соловей тогда приносит в дар тебе
Святую эпиграмму для правдивых уст:
Тебя кто славит, славит справедливость тот.

94

(АР, X, 93)

Лучше спокойно стерпеть даже самую тяжкую долю,
Чем богачей-гордецов спесь и надменность сносить.

95

(АР, X, [94])

Наверное, и бог — философ, если он
Не отвечает гневом на хулу тотчас,
Но, выжидая время, тяжелей еще
Казнит людей несчастных и свершивших зло.

96

(АР, X, [95])

Я ненавижу того, кто по самой натуре двуличен,
Кто на словах лишь хорош, а по делам — негодяй.

97

(АР, X, 96)

Лишь только поразмыслию о делах людских,
О переменах жизни, что приходят вдруг,
И о Судьбе неверной, чей неровен бег, —
Она дарит богатством тех, кто нищим был,
И богача лишает всех его богатств —
То погрузившись в злую заблуждений тьму,¹
Я все кляню, поскольку все неясно мне.
И как могу себе я подчинить Судьбу,
Что из засады тайно поражает нас
И непотребной девки проявляет нрав?

98

(АР, X, 97)

Литру годов довершив с грамматикой тяжкою вместе,
Мертвых советником я ныне спускаюсь в Аид.

99

(АР, X, 98)

Всякий невежда сумеет сойти за премудрого, если
Речи скрывает свои, словно постыдный недуг.

100

(АР, X, 99)

Часто я взвешивал, Секст, и дружбу твою и спесивость,
И легковесней найдя дружбу твою, а затем
Более тяжким — бесчестье, я дружбу с тобою отринул,
Больше не в силах терпеть спеси бесчестье твоей.

101

(АР, XI, 54)

Женщины дразнят меня стариком и советуют даже,
К зеркалу взгляд обратив, жизни руину узреть.
Белые будь у меня или черные волосы — это
Мне безразлично теперь: я уж к закату иду.
Но ароматною мазью, венками из листьев прекрасных,
Бромием прочь я гоню сонмище тяжких забот.

102

(АР, XI, 55)

Выпить мне дай, чтобы Вакх треволнения жизни рассеял,
Чтоб потеплело опять холодное сердце мое.

103

(АР, XI, 62)

Всем суждено умереть. И никто предсказать не сумеет,
Даже на завтрашний день, будет ли жив человек.
Ясно все это познав, человек, веселись беззаботно,
Бромия крепко держа — смерти забвенью — в руках;
И наслаждайся любовью при жизни своей однодневной,
Все остальное отдав на попечение Судьбы.

104

(АР, XI, 204)

Остолбенел я, увидев риторы Мавра: слововый
Хобот, по фунту — губа, голос — убийственный рев.

105

(АР, XI, 255)

Мемфис курносый на сцене сыграл и Ниобу и Дафну:
В «Дафне» он деревом был, камнем — в «Ниобе» своей.

106

(АР, XI, 263)

Комику Павлу во сне явился Менандр и промолвил:
«Чист пред тобой я, а ты всюду позоришь меня».

107

(АР, XI, 280)

Лучше наместника суд испытать, для разбойников страшный,
Лишь бы Геннадий-хирург в лапы тебя не забрал.
Тот, справедливый и грозный, разбойникам головы рубит,
Этот же, плату беря, сводит невинных в Аид.

108

(АР, XI, 281)

На ученого врача Магна

Маги опустился в Аид. И в смятенье владыка Аида
Молвил: «Пришел он сюда, чтоб воскресить мертвецов».

109

(АР, XI, 283)

На префекта Дамоника

Многие многоречивы, но даже они не сумеют
Выразить в многих словах страстность речений твоих.
Но одному у тебя удивляемся мы парадоксу:
Как ты, воруя, слезу можешь пустить без труда?
Ты из Халкиды явился, наш город до тла обобравший,
Вор, и, воруя у нас, плачешь корыстной слезой.

110

(АР, XI, 284)

Из лотофагов земли сей великий явился Ликаон,
Тот, что в Халкиде рожден, антиохийствует здесь.

111

(АР, XI, 285)

Бабьему — трудно поверить — дивимся мы нраву такому:
Лил он, воруя, слезу; жертву ограбив, жалел.
Кто, и воруя, был чист, воровал, оставаясь невинным,
Весь оскверненный, и грязь даже на теле его.

112

(АР, XI, 286)

Ничто не хуже женщин, пусть прекрасны те;
Ничто раба не хуже, пусть прекрасен он;
И все ж без неизбежных ты не можешь зол.
Ты мнишь, что к господину расположен раб?
Прекрасен раб, сломавший две ноги себе.

113

(АР, XI, 287)

Жену-урода взявший на беду себе
Едва зажжет светильник, — и темно в глазах.

114

(АР, XI, 288)

С пирюльником схватился как-то раз портной;
И в битве иглы бритву победили враз.

115

(АР, XI, 289)

О хищный и мгновенный этой жизни бег!
Проценты за год точный ростовщик сводил,
И вот мгновенно умер, и в такой момент
Сжимая в крючьях пальцев свой былой доход.

116

(АР, XI, 290)

Некто все пальцы в работу пустил, на счетах считая,
Но неожиданно смерть с ним свои счета свела.
Счета живут и теперь, но душа их живая — хозяин —
Уж не считает на них, с жизнью окончив расчет.

117

(АР, XI, 291)

Что пользы граду в том, что пишешь ты стихи,
Беря такие деньги за хулу, и ямб
Продать всегда готовый, как торгош елей?

118

(АР, XI, 292)

На ритора Фемистия

Сидя на троне небесном, ты сделался вдруг одержимым
Креслом серебряным; о, этот безмерен позор!
Выше ты некогда был, а теперь ты сделался низким.
Книзу сюда поднимись: пал ты, поднявшись наверх.

119

(АР, XI, 293)

Пообещав мне коня, ты, Олимпий, лишь хвост мне доставил,
Хвост, на котором без сил кляча повисла твоя.

120

(АР, XI, 299)

Ты оскорбляешь меня. Все стерплю и терзаться не стану:
Кто оскорбляет других, злобой наказан своей.

121

(АР, XI, 300)

Как ты болтлив, человек, а ведь скоро ты ляжешь в могилу.
Лучше молчи и, живя, помни о близком конце.

122

(АР, XI, 301)

Солнце — наш бог светозарный, но если бы светом надменным
Он засиял с высоты, я бы отринул и свет.

123

(АР, XI, 302)

Нет, не меня оскорбил ты, а бедность мою. Даже Зевса,
Если б он жил в нищете, всякий бы здесь оскорблял.

124

(АР, XI, 303)

Если я беден, что ж делать? Невинного что презираешь?
В этом повинен не я; это ошибка Судьбы.

125

(АР, XI, 304)

Люди низки и хвастливы. И если найдем человека,
 Что на других не похож, это — какой-то недуг:
 Но рассудительный ближним болезни такой не откроет,
 Будет стараться в груди этот недуг утаить.
 А у тебя нараспашку душа: никого не обманешь,
 Ни проявляя испуг, ни нарядясь храбрцем.

126

(АР, XI, 305)

Выкормыш глупости, чадо бесстыдства и круглый невежда,
 Что ты занесся, скажи, не разбираясь ни в чем?
 Если грамматики рядом, тогда ты платоник; но если
 Рядом платоник, тогда сведущ в грамматике ты.
 Мечешься ты между ними, о неуч; в тебе совершенно
 Знаний грамматики нет, как и Платоновых догм.

127

(АР, XI, 306)

Александрию покинув, ты двинулась в Антиохию.
 После Сирийской земли мчишься в Италию ты;
 Мужа-вельможу тебе не поймать! Ведь из города в город
 Скачешь без усталы ты, тщетно гонясь за мечтой.

128

(АР, XI, 307)

Сын у тебя Эрот, а супруга твоя — Афродита.
 Не без причины, кузнец, ты и хромаешь еще.

129

(АР, XI, 317)

Мне подарили осла. Ленивый, он все упирался.
 Будет в дороге стоять тот, кто отправится с ним.
 Лени потомок, осел, тягота, зевота, дремота;
 Если ж его повернуть, первым помчится назад.

130

(АР, XI, 323)

Ворон и лъстец меж собой различаются буквой единой.
 В прочем и ворон и лъстец схожи друг с другом во всем.
 А потому берегись, дорогой мой, созданья такого:
 Лъстец — это ворон, но рвет не мертвецов, а живых.

131

(АР, XI, 340)

Клялся я тысячи раз, что не буду писать эпиграммы:
 Ими я злобу к себе многих глупцов возбудил.
 Но Пантагата едва пафлагонскую рожу завижу, —
 И не могу побороть страсть к эпиграммам в себе.

132

(АР, XI, 341)

Лучше всего — похвалить, а злословье вражду вызывает;
 Но ведь злословье само это «аттический мед».

133

(АР, XI, 349)

Как, Расскажи мне, измеришь ты мир и пределы земные:
Малое тело твое — только частица земли.
Прежде исчисли себя и себя самого ты постигни;
Сможешь исчислить тогда, как беспредельна земля.
Если ж не можешь измерить и бренности малого тела,
Как же сумеешь познать меру безмерности ты?!

134

(АР, XI, 351)

Сдал я каморку вчера одному пивовару; сегодня ж
Там предо мною предстал страшный кулачный боец.
«Кто ты, — спросил я его, — как в моем оказался ты доме?»
Он же, готовый к боям, поднял кулак на меня.
Тотчас же я убежал, убоявшись свирепого мужа,
Вдруг увидав пред собой не пивовара — бойца.
Я Полидевом, кулачным бойцом, и Кастором также,
Зевс, заклинаю тебя, чуткого к жарким мольбам:
«Ты отрази от меня забияку кулачного: слаб я,
Чтоб ежемесячно с ним биться в кулачных боях».

135

(АР, XI, 353)

Дочь Гермолика сошлась с обезьяной огромной; и вскоре
Род Гермопитеков был ею на свет порожден.
Лебедем сделавшись, Зевс произвел Елену от Леды,
Кастор и с ним Полидевок им от нее рождены.
А с Гермियोною Коракс сошелся; и вскоре бедняжка
Стадо Гермесово злых демонов нам родила.

136

(АР, XI, 355)

Ты говоришь: «Я все знаю». Но все твою видят незрелость.
Пробуешь все, — своего ж нет ничего у тебя.

137

(АР, XI, 357)

Сын и родитель вступить в состязанье решили друг с другом,
Кто поскорее из них сможет богатство проесть.
Так и проели они до конца достоянье. Осталось
Им напоследок одно — это друг друга сожрать.

138

(АР, XI, 371)

Блюд, вызывающих голод, меня знатоком не считай ты,
Блюдом из тыквы стремясь ныне меня накормить.
Я ведь не ем серебра, на котором ты пищу подносишь,
Хитро оставив поднос голодом этим сплошным.
Тех, кто постился, найди, чтоб на них свой опыт проделать,
И удивляйся, смотря на опустевший поднос.

139

(АР, XI, 373)

На поэта — игрока в кости

Есть у поэтов, служителей Муз, Каллиопа богиня.
Ну, а богиню твою все Таблиопой зовут.

140

(АР, XI, 377)

Жалкую птичку жуем мы все на званом обеде;
 Нас же, несчастных людей, птицы другие клюют.
 Да, под землю терзают два коршуна Тития; нас же
 Целых четыре едят коршуна здесь, на земле.

141

(АР, XI, 378)

Нет, не под силу терпеть ни грамматику мне, ни супругу:
 Толку в грамматике нет, несправедлива жена.
 Злая кончина и гибельный рок породили обеих.
 Пусть от грамматики я, хоть и с трудом, убежал,
 Но не могу я оставить супругу мою Андромаху:
 Брачный мешает контракт и Авзонийский закон.

142

(АР, XI, 381)

Женщина — горечь, но дважды приносит она наслажденье:
 Лежа на ложе любви, лежа на смертном одре.

143

(АР, XI, 383)

Так и ослиные судьбы бывают легки и враждебны;
 Четвероногим и тем Крон назначает удел.
 Этому также ослу тяжелое выпало время:
 Жил в Алабархии он, стал у грамматика жить.
 Ныне, мой ослик, держись, ибо нет у грамматиков даже
 Полного слова ячмень, — есть лишь огрызок: «кри».

144

(АР, XI, 384)

На монахов

Вот «одиноких» толпа. Это как же — толпа «одиноких»?!
 Лжет «одиночество» их в соннице этом людском.

145

(АР, XI, 385)

Эта любовь твоя — ложь. Да и любишь-то ты поневоле.
 Большой неверности нет, нежели так полюбить.

146

(АР, XI, 386)

Никю печальную некто вчера в нашем городе встретив,
 Молвил: «Богиня, скажи, что приключилось с тобой?»
 Сетуя громко, она, и судей кляня, отвечала:
 «Ныне Патрикию я — ты лишь не знал — отдана».
 Ника — и та загрустила: ее против правил Патрикий
 Взял на легу, как моряк ветер попутный берет.

147

(АР, XI, 387)

Все мы обедаем раз; но отведав обед Саламина,
 Мы, возвратившись домой, вновь накрываем на стол.

148

(AP, XV, 20)

В молчанье жизни тяжкой ты пройди пути;
Само безмолвно время, — подражай ему.
Живи, таясь! Не можешь, — так умри таясь!

149

(AP, XVI, 207)

Статуя Эрота

Этот Эрот обнажен и поэтому весел и ласков,
Ибо ни лука, ни стрел огненных нет у него.
Держит совсем не напрасно в руках он цветок и дельфина, —
Знаки, что властвует он и на земле, и в морях.

150

(AP, XVI, 282)

В обличье дев смеемся мы, Победы, здесь,
Неся победу граду, что правдивость чтит.
Нас написал художник, этот град любя,
И облик наш достоин нас, богинь-Побед.

151

(AP, XVI, 317)

Гессий стоит: безъязык и безгласен. Коль статуя это,
Ты, о Делиец, ответь, статуя — камень или он?

* * *

II. Эпиграммы, приписываемые Палладу

1

(AP, V, 71)

Дочь Протомаха и Никомахи ты взял себе в жены,
И поселилась война в доме, Зенон, у тебя.
Прелюбодея-дружка поищи-ка на роль Лисимаха:
Освободит он тебя от Андромахи твоей.

2

(AP, V, 72)

Вот она жизнь. В наслажденье она. Отойдите заботы!
Краткое время отпущено нам; мы сегодня с Лизем,
Хоры — сегодня, венки из цветов и подруги — сегодня:
Радость сегодня впитай, ибо в завтра никто не заглянет.

3

(AP, VII, 339)

Был я на свет порожден, не свершив никаких прегрешений;
Только родился — и вот, бедный, спускаюсь в Аид.
В связи родителей смерть заключалась! О ты, неизбежность,
К смерти безжалостной ты прямо подводишь меня:
Из ничего я рожден и опять в ничто превращаюсь,
Снова в ничто, и ничто — весь человеческий род.

Дай же в грядущем, товарищ, вина искрящийся кубок,
Горьких забвенья забот, Бромия мне поднеси.

4

(АР, IX, 9)

Часто молил я тебя, и всегда, Зевс-отец, благосклонно .
Плаванье ты даровал благополучное мне.
Дай и теперь мне счастливо проплыть и, спасенье даруя,
После нелегких трудов в тихую гавань введи.
Дом и отчизна — вот радости жизни, а все треволненья
Наши людские — не жизнь, это — мученье одно.

5

(АР, IX, 57)

Что, не смолкая весь день, ты, несчастная дочь Пандиона,
С уст разливаешь своих песни печальной напев?
Или скорбишь по девичеству ты, что отнял когда-то
Дикий фракиец Терей, злобно насилье свершив.

6

(АР, IX, 134, 135)

Ныне прощайте, Судьба и Надежда: я выбрал дорогу.
Ваших услад мне уже не изведать. Уйдите же обе,
Вы, кто повинны бесспорно во многих людских заблужденьях.
Фантасмагории нам вы внушаете ложные, словно
Призраки сна, уверяя, что все наяву совершится.
Сгинь же, презренная дева, виновница мук! Уходите
Обе! Не мною играйте, — другими, кто явится после;
Кто и не ведает вовсе, о чем ему следует думать.
Счастье земное — обман и бессильно помочь человеку
Или, вернее сказать, ты на свете его и не сыщешь.

7

(АР, IX, 399)

Солнце — и то превзошел твой сверкающий сладостно разум,
Ясный учености свет на людей струя постоянно,
Мягко сияющий, милый, лучащийся так благодатно.

8

(АР, IX, 501)

Жители мертвые город цветущим оставили. Мы же,
Ныне живущие в нем, видим, что он уже мертв.

9

(АР, IX, 573)

Ты не садись, человек, за чужую трапезу вовсе,
Чтобы себе на позор радовать чрево свое.
Плачешь и ты, если плачет и мрачно настроен хозяин,
А засмеется, — за ним тотчас смеешься и ты.
Нет тебе нужды совсем ни в смехе этом, ни в плаче,
И за компанию лишь плач и веселье твое.

10

(АР, X, 118)

Как я возник? И откуда? Пришел, чтоб уйти безвозвратно?
Что я постигнуть могу, коль не могу ничего?
Из ничего я возник и в свое возвращусь состояние,
То есть в ничто, и ничто — весь человеческий род.

Так поднеси мне струю наслажденье дарящего Вакха:
Противоядие в нем от существующих бед.

11

(АР, X, 124)

Тот не опасен, кто явно тебя ненавидит; опасней
Тот, кто обманно игру в дружбу с тобою ведет.
Предупрежденные, мы избегаем врага, но беспечны
К тем, кто о дружбе своей нам непрестанно трубит.
Злейшим врагом я считаю того человека, который
Друга доверье к нему употребляет во зло.

12

(АР, XI, 273)

Ты и свихнулся, и ногу свихнул. Поистине верно:
Что у природы внутри, то и снаружи у ней.

13

(АР, XI, 279)

Может ли счастье познать хоть один из грамматиков, если
Вечно в его голове гнев, раздражение и желчь.

14

(АР, XI, 294)

Ты по богатству богач, а по жизни бедняк; и богат лишь
Не для себя, а для тех, кто унаследует все.

15

(АР, XI, 295)

Если стоит Дионис у тебя в пиршественном зале,
Плющ ты сорви у него и венком увенчай из латука.

16

(АР, XI, 310)

Кудри, румяна и мед, воск и зубы — все ты купила;
Лучше б за те же купить физиономию всю.

17

(АР, XI, 343)

Два у Сильвана слуги: то Вино и Сон, и отныне
Больше ни Муз, ни друзей он уж не может любить:
Первый, едва он проснется, так сладостно губит рассудок;
В спальне храпящим его держит все время второй.

18

(АР, XI, 354)

Равный Платону, второй Аристотель, и мудрости высшей.
Тонкий знаток Никострат как-то услышал вопрос;
Был он к нему обращен и касался души: «Подобает
Смертной ее называть, или бессмертна она?
Тело имеет, иль вовсе она бестелесна? Конкретна,
Иль отвлеченный предмет, иль сочетает в себе

То и другое?» И вот, углубившись в мудреные книги,
 Стал о душе изучать он Аристотеля труд.
 Стал он в глубины «Федона» вникать, что написан Платоном,
 Истины всюду собирать, вооружая себя.
 В плащ завернулся затем и, погладив кончик бородки,
 Он, поразмыслив, такой всем изрекает ответ:
 «Смертна ль природа души, иль бессмертна она, — я не знаю,
 И вообще ничего мне неизвестно о ней;
 То ль бестелесна, телесна ль она... ты сойди к Ахеронту —
 Будешь с Платоном тогда знать достоверно о том;
 Если угодно, возьми с амбракийца пример Клеомброта
 И, подражая ему, с крыши низвергни себя.
 С телом расставшись своим, себя самого ты познаешь
 И нерешенный вопрос сможешь тогда разрешить.

19

(AP, XI, 410)

Мудрость какая на деле у киника (с палкою был он.
 И бородой) показал нам превосходно обед.
 Киник, усевшись за стол, от редьки, бобов воздержался,
 Ибо, как он пояснил, доблесть — не раб живота.
 Стоило только ему белоснежную матку увидеть,
 Мигом был ею смущен хмурый кинический ум.
 Так, вопреки ожиданью, он просит ее и съедает,
 И говорит, что она доблести не повредит.

20

(AP, XI, 430)

Если ты думаешь, что с бородой вырастает ученость,
 То бородатый козел есть настоящий Платон.

КОММЕНТАРИИ

I. Эпиграммы Паллада *

2, ст. 4. О дарах Креза Аполлону сообщает Геродот (I, 50).

3, ст. 5. Илиада, XVIII, 382.

4, ст. 1. По образцу гомеровских форм: δῶ вместо δῶρα — дом; βρῑ вместо βριθύ — тяжесть, Паллад сокращает слова: θώραξ — панцирь в θῶ, κνη̄μις — поножи в κνη̄ и κνάτος — шлем в κρη̄;

ст. 2. Значение слова Гордиоприляриос неясно. Дюбнер (I, стр. 231) полагает, что Паллад высмеивает «варварское» произношение греческих слов центурионами императорских легионов в Константинополе. Ср. primipilarius или primipilaris — центурион 1-й центурии 1-го манипула 1-й когорты римского легиона. Евтолий Иллюстрий Схоластик (ок. 400 г. н. э.), автор 4-х эпиграмм Палатинской антологии, написал ответ на эту шутку Паллада:

«Поножи, панцирь, Афины копье, шлем и щит свой огромный
 Отпрыск Меммия Руф Геллий повесил как дар»

(перевел Ю. Ф. Шульц)

(AP, VI, 86)

5, ст. 1. В оригинале φύλλο — женское имя, означающее буквально: «блоха».

6, ст. 5. Понфесилея (Πενθεσίλεια) и Пенфей (Πενθεύς) — имена, созвучные слову πένθος — скорбь, траур.

7. Египтянин Гессий, о котором идет речь, и Гессий, упоминаемый в письмах Либания, — одно и то же лицо. См. о нем И. Ирмшер. Паллад. ВВ, т. XI, 1956, стр. 257—258 и прим. 90—93;

ст. 4. Гессий был казнен за обращение к оракулу.

9, ст. 1. Изречение, приписываемое одному из семи мудрецов — Питтаку Митилен-

* Первая цифра обозначает номер эпиграммы по порядку, вторая — номер стихотворной строки.

скому (VII—VI вв. до н. э.). Ср. эпиграмму Неизвестного (АР, IX, 366). См. «Греческая эпиграмма». М., 1960, стр. 377—378;

ст. 8. Игра слов: Γέσσιος и χεσείν — испражняться — непереводима.

11, ст. 4. «Символы власти...» — секиры (в фастах), но не как принадлежность консульского звания, а как орудие казни (Гессий был казнен).

12, ст. 5 — пародирует стих Гомера (Илиада, XVI, 48):

«Мрачно вздохнув, провещает к нему Ахиллес быстроногий»¹.

13, ст. 1. Аммон — ливийско-египетское божество, отождествлявшееся с греческим Зевсом.

14, ст. 1. Калхант — прорицатель в стане ахейцев. Имя, ставшее нарицательным.

ст. 2. «Кресло ипатов...», т. е. консулов, наместников Египта.

18, ст. 2. Речь идет о похищении огня у богов Прометеем;

ст. 4. Ср. Г е с и о д. Труды и дни, 704—705;

ст. 6—7. Паллад смещал два места Илиады — одно, где говорится о наказании Зевсом Гефеста (I, 590 слл.), и то, где речь идет о наказании Геры (XV, 18 слл.):

«Или забыла, как с неба висела? Как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
Верьвь неразрывную?...»

19, ст. 4. Намек на истребление женихов возвратившимся Одиссеем (Одиссея, XXII); ст. 5. В ужасах, описанных в Илиаде, виновна женщина — Елена; отсюда пословица: «Целая Илиада бед».

20, ст. 1. См. прим. к эпиграмме 18.

21, ст. 1. сл. Намек на начало Илиады, служившее предметом изучения на первых уроках грамматики (см. прим. к эпиграмме 26);

ст. 4. Намек на жену поэта Андромаху, имя которой буквально означает: «сражающаяся с мужем».

22, ст. 4. Новый намек на 1-ую песнь Илиады: слово λιμός — голод — в связи с явлением итацизма ассоциировалось (на слух) со словом λοιμός — чума.

23. Ср. эпиграмму 67 (АР, X, 57).

24. Ср. эпиграмму 28 (АР, IX, 175).

25. Ср. среди приписываемых Палладу эпиграмм эпиграмму 6 (АР, IX, 134, 135).

26. Ср. эпиграмму 21 (АР, IX, 168). Намек на начало Илиады, первые пять стихов которой:

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий сделал:
Многие души могучие славных героев низригнул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля)».

27, ст. 1. Серапис — вавилонское божество, культ которого введен в Египте Птолемеем I (323—285 гг.). Божество жизни, смерти и исцеления;

ст. 2. Снова намек на Илиаду. См. прим. к предыдущей эпиграмме;

ст. 8. О чеканке фальшивой монеты в подобной ситуации сообщает Фемистий (Ogationes, XXI, 261 С). См. также И. Ирмшер. Указ. соч., стр. 251—252 и прим. 31—36.

28. Толкование этой эпиграммы различно. Вероятнее всего, Дорофей — отец ученика, разорвавший выгодный для Паллада договор (он же σύταξις!). На этой точке зрения стоит И. Ирмшер (указ. соч., стр. 253);

ст. 5. Чтение Θέων (вместо рукописного θεῶν), принятое Мейнеке и Штадтмюллером, позволяет считать, что Паллад обращается к Феону, отцу Ипатии (см. эпиграмму 41. АР, IX, 400). И. Ирмшер (указ. соч., стр. 253, прим. 46) считает его маловероятным из-за разницы в возрасте, разделявшей Паллада и Феона. Г. Бекби (III, стр. 110) одобряет это чтение. В переводе отражена последняя точка зрения.

30. Лемма: «На храм Тихе (Судьбы), превращенный в харчевню». Ср. эпиграмму 33 (АР, IX, 183), ст. 3:

«Прежде имевшая храм оказалась под старость в харчевне».

О подобном случае в Византии сообщает Иоанн Лидийский (De mensib., р. 52. Ј а с., 4, 132).

31, ст. 1. Ср. эпиграмму 90 (АР, X, 90), ст. 7.

33. Имеет ту же лемму, что и эпиграмма 30.

34. Ср. эпиграмму Галла (I в. до н. э.) «На кубок с изображением Тантала». См. «Греческая эпиграмма», стр. 178.

35, ст. 1. Возможно, что речь идет о руинах разрушенного в 391 г. христианами храма Сераписа;

¹ Все цитаты из Илиады даются в переводе Н. И. Гнедича.

- ст. 12. «Для креста...», т. е. для распятия на кресте.
 38. Широко распространенный мотив. Ср. Лук и а н. Харон, 17, где подобная мысль вложена в уста Гермеса-Психопомпа, провожавшего в Аид души умерших.
 39, ст. 1. См. Одиссея, IX, 34:

«Сладостей нет ничего нам отчизны и сродников наших»²;

- ст. 3. См. Одиссея, I, 57:

«... Но напрасно желая
 Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий».

40. Принадлежность этой эпиграммы отрицал Штадтмюллер (см. Бек би, III, стр. 791). Ср. аналогичную эпиграмму Эрикия Кизикского (AP, VII, 230).
 41. Ипатия — дочь математика и поэта Феона (см. эпиграмму 28), последовательница школы неоплатоников. Учила в Александрии. К ее кружку принадлежали Паллад и Синесий из Кирены. В 415 г. она была зверски убита в церкви толпой фанатиков-христиан, подстрекаемых епископом Кириллом. Известный русский ученый — невропатолог и переводчик Греческой антологии Л. В. Блуменау (1862—1931 гг.) написал о ней драматическую поэму «Ипатия»;
 ст. 2. «Звездный девы храм...» — т. е. Астреи (от греч. *ἄστρον* — звезда), дочери Зевса и Фемиды, отождествлявшейся с Дике, богиней справедливости. В знаках Зодиака — созвездие «Девы». Ипатия — это как бы сошедшая на землю Астрея.
 43, ст. 3. «Трехлунным» Геракл назван, как плод длившейся три ночи связи Зевса с Алкменой;
 ст. 2 и 4. Возможный намек на Миланский эдикт Феодосия I (391 г.) о повсеместном разрушении языческих храмов и уничтожении изображений богов. Все совершавшие жертвоприношения и обряды в честь древних богов жестоко наказывались. Ср. эпиграммы Паллада 30—33 (AP, IX, 180—183).
 44, ст. 1. Подарок от Эола. См. Одиссея, X, 19 сл.:

«Дал он мне спитый из кожи быка девятигодового
 мех с заключенными в нем буреносными ветрами...».

- 46, ст. 1. На о-ве Кипре, как свидетельствует Антифан (см. А ф и н е й, III, р. 95, F.) множество свиней откармливались для жертвоприношений Афродите.
 47. Ср. эпиграмму Авзония (Ep. 61):

«На свадьбу приглашенный как-то ритор Руф,
 Себя желая выказать
 Грамматиком искусным, молодым изрек
 Такое пожелание:
 «Рожайте деток вы мужского, женского,
 А также рода среднего»

(перевел Ю. Ф. Шульц).

- 48, ст. 1. Кондит — *conditum (vinum)* — вино, приправленное медом и перцем;
 ст. 4. «Наиримский...» — *Ἰραϊνός*. Полагают, что адресатом Паллада был не просто римлянин, но римлянин, носивший имя Роман (Romanus). Известно, что в 391 г. один Роман занимал пост *comes Aegypti*.
 49, ст. 1. Ююба (*Ramnus jujuba*, L. или *Zizyphus vulgaris*) — колючий кустарник (деревцо) из семейства крушиновых. Кора его корней применялась как возбуждающее средство, а плоды — как обволакивающее;
 ст. 4. Кротон — приморский город в Южной Италии. Его здоровый климат вошел в поговорку.
 50. Возможно, что и эта эпиграмма адресована Ипатии.
 51. В антологии к имени Паллада здесь добавлен эпитет «Метеор» — «возвышенный», «высокий». Марина (в лемме) — младшая дочь императора Аркадия. Время жизни ее: 403—449 гг. Вероятно, речь идет о ее константинопольском дворце (?). Изображения языческих богов были перенесены в ее дворец для христианского культа и таким образом спасены от уничтожения.
 ст. 3. В оригинале: *φάλλις* — мелкая медная монета весом в $\frac{1}{4}$ унции, т. е. около 6,8 г.
 52. Примыкает к эпиграмме Неизвестного (AP, XVI, 194) «На статую Эрота», которую Дюбнер приписывает Палладу:

«Медный Эрот огненосный в огонь угодил: перелили
 В пламенный тигель его, мукой за муки воздав»

(перевел Ю. Ф. Шульц).

² Все отрывки из Одиссеи даются в переводе В. А. Жуковского.

- 54, ст. 2. Подобное обращение было общепринятым и не относилось только к родственнику. Ср. Г о р а ц и й. Послания, I, 6, 54.
 55, ст. 4. Ср. T h e o g n., 887.
 57, ст. 2 сл. См. Илиада, XXIV, 602 сл. и 613:

«Пищу забыть не могла и несчастная мать Ниоба,
 Мать, которая разом двенадцать детей потеряла».

«Плачем по них истомяся, и мать вспомянула о пище».

- 60, ст. 1. См. Одиссея, X, 210 слл.;
 ст. 9. См. Одиссея, X, 277 слл.
 61, ст. 1. См. P i n d., Pyth., I, 85. Ср. Г е р о д о т, III, 52.
 62. Фрагмент 291 (Коск, III). Ср. также P i n d., Pyth., 9, 135.
 64, ст. 3. Дионисий правил в 337—336 гг. (умер в 305 г. до н. э.).
 65, ст. 3. Ставшее пословицей место из Одиссеи (XIX, 163):

«... Уж верно не отрасль
 Славного в древности дуба, не камень от груди утеса».

- 66, ст. 18. Неясно, о каких 12 богах идет речь. Полагают, что это намек на 12 апостолов (см. Б е к б и, III, стр. 815).
 69. Сентенция в духе стоицизма Эпиктета.
 76, ст. 2. Ср. С о ф о к л. Эдип в Колонах, 1694. Эпиграмма-дистих аналогичного содержания приписывается (в издании Bidez-Cumont, p. 220) императору Юлиану:

«Жребий влечет — и влекись; если ж ты недоволен влеченьем,³
 Сам же себе навредишь, жребием все же влеком»

(перевел Ю. Ф. Шульц).

- 77, ст. 3 сл. Ср. эпиграмму-пародию Агафия Схоластика (AP, XI, 372), а также Э п и х а р м. Фрагмент 10 (Vorsokrat., Diels).
 80. Сентенция в духе стоической философии. Ср. С е н е к а. Письма, 58, 22: «Никто из нас не является тем, кем он был в юности; никто из нас не является утром таким, каким он был вчера. Подобно водам рек быстро меняются наши тела. Все, что ты видишь, проносится вместе со временем...».
 84. Дюбнер полагает (II, стр. 281), что между первым и вторым стихом этой эпиграммы выпали две стихотворные строки.
 87, ст. 1. Ср. Э в р и п и д, Фрагменты, 54, 3.
 88. Эта эпиграмма написана на стене купальни в Эфесе. Ср. К а т у л л, 52.
 89. Сентенция в духе учения платоников. Эта эпиграмма, как и следующая, 90-я, вероятно, написана в 394 г., когда Феодосий одержал победу над узурпатором Евгением (см. Б е к б и, III, стр. 817).
 91, ст. 6. Намек на Христа, в воскресение которого верят христиане.
 92, ст. 1. Этот стих, как и второй стих предыдущей эпиграммы, — насмешка над Феофилом, патриархом Александрии (его имя означает буквально: «Любимый богом»), который в 391 г. разрушил языческие храмы города.
 98, ст. 1. «Литру годов...» — т. е. 72 года. Одна литра равна римскому фунту (12 унций или 327,45 г), из которого со времени Константина чеканили 72 золотые монеты, солида (введен в обращение с 312 г.).
 99, Ср. П у б л и л и й С и р, Т 2: «Молчание глупому заменяет мудрость».
 101. Эта эпиграмма — подражание Анакреонту (XI).
 102. В издании Якобса³ и Дюбнера эта эпиграмма объединена с предыдущей (AP, XI, 54).
 103. Ср. М а р ц и а л, I, 15 и Э в р и п и д. Алкеста, 782.
 104. Лемма: «На риторы египтянина».
 105. Эта эпиграмма переведена на латинский язык Авзонием (Ep. 84);
 ст. 2. Намек на известный миф о превращении Дафны в лавр и Ниобы в камень (скалу).
 108. Известен ряд врачей, носивших это имя. В конце IV в. н. э. один из них жил в Александрии (E u p a r i o s. Vit. soph., p. 497, ed. Voisson).
 109, ст. 5. Халкида — город на о-ве Эвбее, близ побережья Аттики и Беотии.
 110, ст. 1. «Из лотофагов земли...», т. е. из Северной Африки. Ликаон — прожорливый волк (от греч. λύκος);
 ст. 2. «Антиохийствует здесь...», т. е. предается противоположному разврату [подобный намек есть и в следующей, 111-й эпиграмме (AP, XI, 285), ст. 4].
 Подробнее см. И. И р м ш е р. Указ. соч., стр. 266.

³ Anthologia graeca sive lusus poetarum graecorum ex recensione Brunckii. Indices et commentarium adiecit Fridericus Jacobs. Vol. 1—5. Lipsiae, 1794—1795.

- 112, ст. 1—2 принадлежит Менандру («Отдельные сентенции», 413 и 133). См. Б е к б и, III, стр. 829.
114. Насмешка над тупой бритвой цирюльника.
115. Лемма: «На меняду».
116. Лемма: «На меняду».
117. Лемма: «На Никандра» (подробнее неизвестен). Ср. М а р ц и а л, XII, 46.
118. Лемма Палагинской антологии: «На философа, ставшего префектом города (Константинополя. — Ю. III.) при Валентиниане и Валенте». Эпиграмма направлена против риторика Фемистия из Пафлагонии (ок. 320—390 гг.), бывшего префектом в 383—384 гг. См. И. И р м ш е р. Указ. соч., стр. 256—257;
ст. 2. «Креслом серебряным...», т. е. поетом крупного государственного чиновника (Фемистий был с 355 г. членом константинопольского сената).
123. Ср. эпиграмму Паллада 94 (AP, X, 93).
- 124, ст. 2. Ср. Г е с и о д. Труды и дни, 717—718.
127. Лемма: «На блудницу».
- 128, ст. 2. Этот кузнец должен был носить имя Гефеста.
- 129, ст. 1. Эпитет осла (в оригинале) — *'Αντίπαστος*. Так называется стихотворный размер, состоящий из ямба и следующего за ним трохея (— ε ε —);
ст. 4. В оригинале: *ὕστατον πρότερον* — известная фигура речи.
130. Лемма: «На льстецов». В эпиграмме игра слов: *κόραξ* — ворон и *κόλαξ* — льстец в написании разнятся лишь одной буквой (см. ст. 1 эпиграммы). С учетом этого примечания возможен следующий вариант перевода:
- «Только лишь „лямбдой“ и „ро“ различаются коракс и колак,
А в остальном меж собой коракс и колак равны.
А потому, дорогой, опасайся такого создання:
Колак — что коракс, но рвет не мертвецов, а живых».
- 132, ст. 2. «Аттический мед...», т. е. в злословии высшая сладость. Мед из Аттики считался самым лучшим.
- 133, ст. 6. Ср. С е н е к а. Epist. ad Lucill., 88.
- 134, ст. 7—8. Полидевк — сын Леды от Зевса. Его брат Кастор славился как «укротитель коней»;
ст. 10. «Ежемесячно...», т. е. при получении условленной платы за снятую комнату.
- 135, ст. 1—2. Насмешка над уродливой супружеской парой;
ст. 5. Коракс — буквально: «ворон». Это слово как имя собственное встречается в эпиграмме Диодора (AP, VII, 632);
ст. 3—6 Буассонад считал самостоятельным стихотворением (см. Б е к б и, III, стр. 831).
136. Ср. М а р ц и а л, III, 79.
137. Ср. эпиграмму Луккиана из Самосаты (AP, IX, 367). Перевод см. «Греческая эпиграмма», стр. 245.
138. Ср. М а р ц и а л, XI, 31.
- 139, ст. 2. Таблиона — от слова *tabula* или *tabla* — доска для игры в кости.
- 140, ст. 2. Смысл неясен. Под этими «птицами» подразумевают: клеветников (Опсойей), воров (Буассонад) и прожорливых гостей (Якобс). См. Д ю б н е р, II, стр. 390.
ст. 3. Титий — гигант, низвергнутый в подземное царство Аполлоном и Артемидой за покушение на честь их матери Лето (Латоны).
- 141, ст. 6. «Авзонийский закон...», т. е. итальянский. Вероятно, намек на конституцию Константина от 331 г., вошедшую в Кодекс Феодосия (III, 16, 1) под названием «De gerudiis» (О расторжении брака).
142. Ср. эпиграмму Паллада 18 (AP, IX, 165). Это двустипшие Проспер Мериме взял эпиграфом к своей новелле «Кармен».
- 143, ст. 4. Алабархия — таможня, деловой центр Александрии.
ст. 6. «Кри» («*кри*») — сокращенная эпическая форма вместо *κριθή* — ячмень. Бедный грамматик вынужден даже укорачивать слова. Для 5—6 стихов эпиграммы возможен следующий вариант перевода:

«Ныне, мой ослик, держись! Ведь живя у грамматика, часто
Будешь ты видеть МЕНЯ, но ЯЧМЕНЯ не найдешь».

144. Эпиграмма основана на игре слов. Греческое слово *μοναχός* — монах буквально означает: «одинокий», «уединенный».
- 146, ст. 4. Патрикий — историческая личность, астролог, процветавший при императоре Иовиане (363—364 гг.). О какой победе здесь идет речь — неизвестно.
- 148, ст. 3. «Проживи незаметно» (*λάθῃ βιώσας*) — известное положение эпикурейской философии. В данном случае Паллад, вероятно, имеет в виду слова неопифаго-

рейца Аполлония Тианского (см. Ф и л о с т р а т. Жизнеописание Аполлония Тианского, 8, 28).

149. См. Д ю б н е р, II, стр. 627: Цец. (Chil., V hist., XI, 500) упоминает о картине, на которой Эрот был изображен с теми же атрибутами. Ср. также Ф у р т-в е н г л е р (Eros in der Vasenmalerei, 1874, S. 65).
151. Гессий — вероятно, тот же, что и в эпиграммах AP, VII, 681—688. Ср. Ю в е н а л, VIII, 52.

II. Эпиграммы, приписываемые Палладу

1. Принадлежность: «Руфина или Паллада Александрийского»; ст. 1. Протомах — буквально: «первый в битве»; Никомаха — «победительница в битве»; ст. 3. Лисимах — «прекращающий битву»; ст. 4. Андромаха — «воюющая с мужем». Ср. эпigramму Паллада 21 (AP, XI, 378).
2. Принадлежность: «Того же автора».
3. Лемма: «Паллада или Лукиана». Принадлежность первому отрицает Якобс. Стихи 5—6 почти дословно повторяют 3—4 стихи эпigramмы AP, X, 118 (эпigramма 10 из приписываемых Палладу); ст. 8. Бромий — буквально: «шумный» — эпитет Вакха.
4. В Палатинской антологии — Юлия Полиена (софист и историк, родом из Сард, жил в середине I в. до н. э.). Палладу ее приписывает Codex Mediceus.
5. Авторство Паллада подтверждено антологией Плануда (XIII—XIV вв.); ст. 1. «Дочь Пандиона...» — Филомела, сестра Прокны. Муж Прокны, фракийский царь Терей, обесчестил Филомелу и вырезал ей язык. По мифу, она была превращена в соловья (или ласточку).
6. Принадлежность Палладу отрицал Якобс (см. Д ю б н е р, II, стр. 177). У Дюбнера (II, стр. 26) обе части соединены в одну эпigramму (134, 135). В издании Бекби (III, стр. 86) это — две самостоятельные эпigramмы в 8 и 3 стихотворные строки, т. е. на одну строку больше, чем у Дюбнера. Эта строка следующая:

Γράψε τίς; οἶδε θεός, τίνας εἶνεκεν; οἶδε καὶ αὐτός.

«Кто написал? — Знает бог. — Для чего? — Знает он и об этом»

(перевел Ю. Ф. Шульц).

7. Принадлежность Палладу отрицал Дюбнер (II, стр. 211). Возможно, как и эпigramма AP, IX, 400, адресована Ипатии.
8. Принадлежность: Паллада (Штадтмюллер). Ее отрицал Пэк. См. Б е к б и, III, стр. 796. Лемма: «На город Берит» (ныне Бейрут). Дюбнер считал эту лемму фальшивой (Д ю б н е р, II, стр. 221).
9. В антологии Плануда приписывается Лукиллию (эпigramматист-сатирик эпохи Нерона. Старший современник Марциала, автор около 130 эпigramм). Схолиаст (Schol. Wech.) приписывает ее Палладу. Ср. М а р ц и а л, II, 53 и IX, 10.
10. Лемма (в антологии Плануда): «Неизвестного или Паллада»; ст. 3—4. См. прим. к эпigramме 3 (из приписываемых Палладу).
11. По мнению Клода де Сомеза (Салмазий), французского гуманиста, нашедшего в 1606 г. в Гейдельберге (в Палатинской библиотеке) Палатинскую антологию, эпigramма принадлежит Никарху или Палладу (см. Д ю б н е р, II, стр. 284). Никарх жил в I в. н. э.
12. В антологии Плануда: Паллада.
13. Палладу приписывается в целом ряде рукописей. Бекби (III, стр. 680) относит ее к Лукиллию. За авторство Паллада стоят: Дюбнер (II, стр. 383), Франке, Цервез (см. Б е к б и, III, стр. 828).
15. ст. 2. Намек на прокисшее вино, заменявшее собой уксус, приправу латука. Ср. аналогичную эпigramму Лукиана (AP, XI, 396):

«Часто, мой друг, ты вино присылал мне, и часто, бывало,

Благодарил я тебя, нектара сладость вкусив.

Если ты любишь меня и теперь, то не шли: не нуждаюсь

В этом вине я — латук кончился весь у меня»

(перевел Ю. Ф. Шульц).

19 и 20. Эти эпigramмы приписываются также Лукиану.

Ю. Ф. Шульц